

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 228–243, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 327.82

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243

«Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии

Владимир Александрович Родионов¹

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор политических наук, доцент

 0000-0001-8813-1862. E-mail: vladimir_198025@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Родионов В. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что малые страны, действуя в условиях сравнительно ограниченного внешнеполитического потенциала, могут отстаивать свои интересы при помощи «мягкой силы». Заведомо уступая великим державам в военно-политическом и экономическом отношении, малые страны стремятся компенсировать свою уязвимость иными, более мягкими методами влияния. Монголия, представляя собой классический пример малой страны, входящей в сферу влияния ряда великих держав, не остается в стороне от современных тенденций в деле применения «мягкой силы». *Цель* статьи — выявить основные направления и способы применения «мягкой силы» во внешней политике Монголии. *Материалы и методы.* Источниковой базой для исследования выступили официальные документы Монголии, касающиеся ее национальной безопасности и внешней политики, международные инициативы Улан-Батора, заявления монгольских государственных деятелей по вопросам отношений с иностранными партнерами, материалы СМИ. В основу исследовательского анализа легли сравнительный, нарративный, ретроспективный методы исследования. *Результаты.* Среди направлений для применения монгольской «мягкой силы» выделяются три наиболее перспективных. Первое направление выражено в самопрезентации страны в качестве успешной молодой демократии в центре Азии, способной стать ориентиром для ряда других малых региональных стран. Вторым направлением является политика нейтралитета де-факто, выраженная в отказе от размещения на монгольской территории ядерного оружия и иностранных военных баз, а также в активном участии Монголии в миротворческих операциях под эгидой Организации объединенных наций (далее — ООН). Наконец, под третьим направлением политики «мягкой силы» следует понимать активное продвижение Улан-Батором своей посреднической роли при разрешении острых проблем, локализованных в Северо-Восточной Азии. Сохраняя дружественный характер отношений со всеми без исключения государствами Северо-Восточной Азии, Монголия стремится превратить данное обстоятельство в свою пользу, став азиатским аналогом Швейцарии. *Выводы.* «Мягкая сила» во внешней политике Монголии является средством как наращивания влияния, так и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: мягкая сила, малые страны, Монголия, внешнеполитическая стратегия
Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ — Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии «„Мягкая сила“ в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», № 19-514-44001.

Для цитирования: Родионов В. А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 228–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243

Soft Power of Small States: A Case Study of Mongolia

Vladimir A. Rodionov¹

¹ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor

 0000-0001-8813-1862. E-mail: vladimir_198025@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Rodionov V. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The experience of recent decades shows small countries — though characterized by relatively limited foreign policy capacity — can defend their interests through ‘soft power’. Being obviously inferior to greater powers in military, political and economic aspects, small countries seek to compensate for their vulnerability with softer methods of influence. Nowadays, Mongolia is a classic case of a small country under the influence of such great powers as Russia, China, and the United States to successfully employ soft power tools. *Goals.* The article aims to identify where and how Mongolia uses soft power in its foreign policy. *Materials and methods.* The study primarily explores Mongolia’s official documents dealing with its national security and foreign policy, international initiatives of Ulaanbaatar, statements of Mongolian executives on relations with foreign partners, media materials. The employed research methods include the comparative, narrative, and retrospective ones. *Results.* There are three most promising lines for soft power in contemporary Mongolia’s foreign policy. The first one is that the country presents itself as a successful young democracy in the heart of Asia capable of becoming a model for a number of other small countries in the region. The second one is the policy of *de facto* neutrality manifested in refusal to deploy nuclear weapons and foreign military bases in Mongolian territory, as well as the active participation in UN peacekeeping operations. Finally, the third soft power line (to be perceived as one) is Ulaanbaatar’s active promotion of its mediation role to resolve urgent problems localized in Northeast Asia. Maintaining friendly relations with virtually all Northeast Asian states, Mongolia seeks to become a platform for international negotiations similar to that of Switzerland. *Conclusions.* Thus, soft power for Ulaanbaatar is an important two-sided tool supposed, firstly, to accelerate international influence and, secondly, to ensure national security and sovereignty.

Keywords: soft power, small states, Mongolia, foreign policy strategy

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia, project no. 19-514-4400 ‘Soft Power in Russia-Mongolia Relations: A Comparative Analysis’.

For citation: Rodionov V. A. Soft Power of Small States: A Case Study of Mongolia. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 228–243. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243

Введение

Роль малых стран в системе международных отношений является одной из популярных тем в современных политоло-

гических исследованиях. В частности, все чаще подвергается сомнению классический тезис школы политического реализма о том, что только (или преимущественно) великие

державы способны вершить судьбы мира, заслоняя собой всех остальных участников международных отношений. Как показывает практика, возможности иных акторов, включая малые страны, во многом недооцениваются и нуждаются в более пристальном внимании. Именно растущая субъектность малых стран стала объективным основанием для пересмотра утвердившихся ранее положений об абсолютной гегемонии великих держав. Цель настоящей статьи — дать ответ на вопрос о том, каким образом малая страна (на примере Монголии) способна отстаивать свои интересы на международной арене, используя «мягкую силу».

Проблема определения «малых стран»

С одной стороны, наличие и даже количественное преобладание малых стран в современном мире давно является очевидным фактом. По словам Д. Турера, «при взгляде на сегодняшний мир мы увидим, что он в первую очередь состоит из малых государств» [Thurer 1998: 37]. С другой стороны, возникает вопрос о содержательном наполнении самого понятия «малая страна», которое зачастую носит оценочный характер и не всеми понимается одинаково. Условно можно выделить два подхода к определению малых стран.

Первый основывается на попытке выявить количественные критерии. Так, ряд авторов указывают на численность населения страны, размер ее территории, объем экономики. Д. Витал в качестве количественного критерия «малых стран» выделяет цифру в 10–15 миллионов человек для экономически развитых стран и 20–30 миллионов — для развивающихся [Vital 1967: 8].

Мировой банк наряду с небольшой численностью населения (не более 1,5 млн чел.) обозначает такой критерий, как слабая (уязвимая) экономика, характеризующаяся высоким уровнем внешней задолженности, высокой зависимостью от внешних рынков, подверженностью экзогенным рискам (стихийные бедствия и изменение климата) [The World Bank in Small States].

Попытки выделить размер ВВП в качестве критерия «малой страны» были сделаны в работах отечественных авторов [Малые страны 1987; Зимин 1993: 95–104].

При всей внешней привлекательности количественного подхода, позволяющего буквально математически ранжировать страны мира, у него есть недостатки. К таковым относится изменчивость во времени выделяемых количественных показателей. Например, размер ВВП той или иной страны в течение относительно небольшого количества времени может серьезно варьироваться в ту и другую сторону. Наглядны в этом плане стремительные взлеты экономик микроскопических по размеру территорий и численности населения Катара и Сингапура. Кроме того, численность населения, достаточная для европейской страны, применительно к Азии может рассматриваться как незначительная.

В основе второго подхода лежит стремление исследователей выйти за рамки количественных характеристик и найти качественные критерии отличия малых стран от остальных участников международных отношений. Примерами этого стали исследования Р. Ротштайна, А. Ванденбоша и Р. Кохейна, проведенные ими еще в 1960-е гг. Согласно Р. Ротштайну, малые страны «признают неспособность обеспечить национальную безопасность исключительно собственными силами и вынуждены прибегать к помощи со стороны иных государств, организаций и т. д.»¹ [Rothstein 1968: 29].

В том же духе высказывается А. Ванденбош, считающий, что малые страны предпочитают отстаивать свои национальные интересы не напрямую, а опосредованно, используя международные институты [Vandenbosch 1964: 301]. Следуя этой логике, можно легко признать «малыми странами» подавляющее большинство из ныне существующих, в том числе Германию, Францию, Японию, обеспечивающих свою безопасность в рамках союзнических отношений с США.

Р. Кохейн называет степень влияния на систему международных отношений критерием, на основе которого можно ранжировать все страны, включая малые [Keohane 1969: 291–310]. И здесь мы сталкиваемся с ещё более сложным вопросом: как определить степень влияния той или иной страны. Круг стран, которые при определенных условиях могут быть отнесены к категории

¹ Здесь и далее перевод автора.

влиятельных или невлиятельных, в зависимости от предпочтений может как расширяться, так и сужаться, что, в свою очередь, ставит под сомнение сам смысл выделения «малых стран». В целом недостатком подобного подхода нужно признать субъективность в оценках.

Суммируя выше сказанное, с одной стороны, можно констатировать отсутствие абсолютного, эмпирически выверенного критерия, по которому можно было бы определить малые страны. С другой стороны, полностью отказаться от использования данной категории представляется нецелесообразным. Отнесение той или иной страны к категории «малой» во многом носит контекстуальный характер, зависит от внешнеполитической стратегии руководства, в рамках которой оно позиционирует свою страну. А это, в свою очередь, оказывает влияние на статусно-ролевую структуру международных отношений, позволяет выявить природу внешнеполитического поведения их участников. Поэтому деление стран на «великие» и «малые» во многом функционально по своему характеру. И здесь можно согласиться с Д. Хэй, считающей, что «малые государства выделяются не на основе объективного определения, а в силу их воспринимаемой роли в международной иерархии» [Hey 2003: 2]. Ключевой характеристикой здесь является восприятие (ощущение) той или иной страны себя в качестве малой по отношению к более могущественным партнерам.

«Мягкая сила» как новая возможность

Важнейшим обстоятельством, способствующим международно-политической эмансипации малых стран, выступает появление объективных условий и, как следствие, способов для того, чтобы оказывать влияние как на страны, с которыми происходит взаимодействие, так и на внешнюю среду в целом. Не случаен тот факт, что исследовательский интерес к теме малых стран возник во второй половине XX в., когда установление ядерного баланса между СССР и США и утверждение доктрины взаимного гарантированного уничтожения объективно способствовало актуализации иных, не военных форм и методов ведения внешней политики. В результате корректив-

ровке подверглись и представления о природе и проявлениях силы в отношениях между государствами. В теоретическом плане этот сдвиг был зафиксирован в концепции «мягкой силы» Дж. Ная [Nye 1990; Nye 2004; Най 2006], предполагающей использование несиловых методов воздействия для достижения своих целей во внешней политике.

Малые страны, как правило, заметно отстают от великих держав в военном отношении. Именно военная мощь традиционно считается неотъемлемым атрибутом «жесткой силы». Малые страны не сопоставимы с ведущими лидерами мировой политики по основным экономическим показателям, также относимым к проявлениям «жесткой силы». Как следствие, не имея возможностей для достойной конкуренции в этой области с признанными великими державами, малые страны видят выход в активном применении методов и форм «мягкой силы». Действуя именно на этом поле, малые страны оказались способны увеличить свой международно-политический вес. Можно сказать, что «мягкая сила» для малых стран выступает в качестве источника, компенсирующего их отставание от великих держав в военной и экономической сферах, того, что А. Чонг назвал «способом „виртуального укрупнения“ малых стран в отношениях с более сильными и могущественными партнерами» [Chong 2007].

Применение «мягкой силы» малыми странами имеет некоторые особенности, которые выгодно отличают их от великих держав. Во-первых, если «мягкая сила» великих держав, как правило, воспринимается как часть их внешнеполитической стратегии глобального или регионального влияния, то «мягкая сила» малых стран вызывает меньше подозрений по поводу их далеко идущих планов. Это дает последним определенное преимущество при осуществлении соответствующей политики. Во-вторых, статус «малой страны» дает возможность более эффективно, нежели великие державы, выполнять функции посредника при разрешении международных споров и конфликтных ситуаций. Отсутствие у малой страны военно-стратегических и глобальных экономических интересов делает ее в глазах участников спора или конфликта стороной, заслуживающей большего доверия. Одной из вариаций посреднической

дипломатии малых стран может служить их участие в миротворческих операциях, осуществляемых под мандатом ООН. Будучи членами миротворческих подразделений, солдаты из малых стран воспринимаются местным населением, как правило, более лояльно и дружелюбно по сравнению с контингентом, состоящим из военнослужащих великих держав. В-третьих, малые страны не могут конкурировать на равных с великими державами по целому ряду средств обеспечения «мягкой силы»: финансовым, кадровым и информационным ресурсам. В силу данных обстоятельств многие малые страны, избегая глобальной повестки, делают основной акцент на проведении политики «мягкой силы» на региональном уровне, в отношении ближайших соседей или даже их отдельных территорий, тем самым стремясь более рационально распределить имеющиеся у них ресурсы. Наконец, помимо увеличения своего влияния вовне, «мягкая сила» для малых стран нередко выступает средством осуществления собственной безопасности и даже выживания. Это обстоятельство стимулирует руководство малых стран уделять «мягкой силе» особенно пристальное внимание.

О возможности для малых стран быть успешными в осуществлении политики «мягкой силы» свидетельствуют различные международные рейтинги. На страницах британского журнала «Монокль», начиная с 2010 г., ежегодно публикуется рейтинг «мягкой силы» стран мира («Soft power survey»). Наряду с признанными флагманами мировой политики (США, КНР, Индия, Великобритания) среди лидеров рейтинга последних лет такие страны, как Швеция, Швейцария, Норвегия, Сингапур [[Soft Power Survey 2018](#)].

Что такое «мягкая сила» по-монгольски

Современная Монголия — яркий пример малой страны. Если по размеру территории страна занимает почетное 18 место среди стран мира, то по количеству жителей и, что особенно бросается в глаза, по плотности населения она находится в числе последних — 137 и 195 места соответственно. ВВП Монголии в 2020 г. составил 13,1 млрд долл., что составляет 0,01 % от всей мировой экономики [[The World Bank in Mongolia](#)

2021]. Особенно заметна «малость» Монголии на фоне ее двух географических соседей — России и Китая, традиционно входящих в неформальный клуб великих держав. Численность армии Монголии — 8 900 чел., РФ — 900 000 чел. и КНР — 2 035 000 чел. [[The Military Balance 2021](#)].

Монголия практически полностью зависит от поставок нефтепродуктов из России и экспорта своей горнорудной продукции (угля, меди, железной руды и пр.) в КНР [[Гадаад худалдаа 2020](#)]. Можно констатировать, что ни в военном, ни в экономическом плане Монголия не сопоставима со своим северным и южным соседями.

Монгольские политические элиты, ясно осознавая эту геополитическую данность, активно продвигают стратегию сбалансированных отношений с ведущими центрами силы мировой политики. Развивая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией и Китаем, Монголия активно сотрудничает с рядом внерегиональных игроков (США, Японией, Республикой Корея, ЕС, Индией, Турцией), относимых к категории «третий сосед» [[Монгол Улсын үндэсний аюулгүй 2014](#)]. Подобная многовекторность, характерная для многих малых стран, исходит из желания лавировать между великими державами, используя свое географическое положение. Иными словами, и по основным объективным параметрам (население, военный и экономический потенциал), и по характеру внешнеполитического поведения Монголия без сомнения может быть отнесена к категории «малых стран».

Здесь нужно отметить, что, как и для многих других малых стран, основной задачей для Монголии в ее политике «мягкой силы» выступает не столько увеличение своего влияния на те или иные страны, сколько стремление укрепить национальный суверенитет и безопасность, расширяя круг внешних партнеров, помимо России и Китая. «Мягкая сила» в данном случае призвана улучшить имидж страны (ее узнаваемость) на международной арене и, тем самым, привлечь внимание влиятельных внерегиональных игроков.

Опыт Монголии в деле применения «мягкой силы» не большой в сравнении с рядом стран мира. Хотя можно вспомнить, что ещё в социалистический период Улан-Батор прибегал к практике выстра-

ивания отношений с великими державами посредством несиловых методов, в частности, используя религиозный фактор. Пожалуй, самым ярким примером здесь является организация и проведение на территории Монгольской Народной Республики, начиная с 1970 г., «Азиатской буддийской конференции за мир». Одним из участниками этих мероприятий являлся Далай-лама XIV. Приглашая мятежного по отношению к Пекину тибетского первосвященника, руководство МНР рассчитывало тем самым оказать давление на КНР, отношения с которой носили напряженный характер. Другой пример привлечения буддийских священников к процессу внешнеполитического сотрудничества — участие лам в составе монгольской делегации в Японию в конце 1950-х гг. в рамках антиядерных международных инициатив Токио [Сэржав 2019: 42].

Институционализация «мягкой силы» в Монголии началась сравнительно недавно. В 2016 г. правительством Монголии была утверждена «Программа по пропаганде Монголии за рубежом», предполагающая широкий спектр мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах [Программа 2020].

В начале 2021 г. монгольское правительство обозначило в качестве стратегической цели своей деятельности повышение репутации страны за рубежом путем популяризации традиционной культуры [Монгол улсыг гадаад нэгдсэн стратегийн 2021]. Монгольские политики и эксперты неоднократно заявляли о необходимости использования «мягкой силы» в отношениях с внешним миром [Баттулга 2019; Эрдэнэтуяа 2020].

Одним из направлений деятельности государственных СМИ Монголии является работа с зарубежной аудиторией. Сайт монгольского государственного информационного агентства «Монцамэ» и радиостанция «Голос Монголии», помимо монгольской, имеет русскую, английскую, китайскую и японскую версии. Кроме государственных структур, продвижением позитивного образа Монголии за рубежом занимаются также неправительственные организации, как «Ассоциация монголов мира», «Международный конгресс монголоведов» и другие.

Как и многие другие страны, Монголия в качестве элементов «мягкой силы» стремится использовать наиболее привлекательные атрибуты национальной культуры. Например, делаются попытки продвижения за рубеж таких национальных брендов, как монгольская кухня, в основе которой лежит экологически чистая мясная и молочная продукция, изделия из кожи и кашемира, выделяющиеся высоким качеством, эксклюзивностью и натуральным характером материала, используемого для производства. Монгольское правительство, делая ставку на развитие въездного этнотуризма, наряду со стремлением привлечь дополнительные финансовые средства в экономику страны стремится продвинуть позитивный образ Монголии в мире, сделать ее более узнаваемой. Также можно упомянуть успех монгольской фолк-рок группы «The Hu» [Rutherford 2019], чьи синглы в последние годы заняли высокие позиции в ведущих западных чартах.

В то же время при всем разнообразии и уникальности культурных маркеров Монголии, которые она использует для внешнего потребления, нужно признать, что на глобальном и региональном уровне их потенциал влияния сравнительно не велик. В сфере высшего образования, признаваемого одним из важных каналов «мягкой силы», Монголия выступает преимущественно донором. Тысячи монгольских студентов каждый год поступают в высшие учебные заведения различных стран. Монгольские же университеты не могут похвастаться высокими местами в международных рейтингах высших учебных заведений. По состоянию на 2019 г., Монгольский государственный университет (главный вуз страны) занимал 1 851 место среди всех вузов Азии [Ranking 2020].

Позиции Монголии выглядят весьма скромно и в большинстве международных рейтингов, описывающих различные стороны привлекательности стран мира. 106 место в «Индексе хороших стран» в 2021 г. [The Good Country Index 2021], 102 место в «Индексе глобальной конкурентоспособности» в 2019 г. [The Global Competitiveness Report 2019], 58 место в «Индексе развития человеческого капитала в 2020 г. [Human Capital Index 2020], 81 место в «Индексе

легкости ведения бизнеса» в 2020 г. [[Ease of Doing Business Index 2020](#)].

Основные направления политики «мягкой силы» Монголии

Несмотря на весьма ограниченный потенциал для использования «мягкой силы», Монголия за последние годы продемонстрировала возможность добиваться определенных успехов на этом поле. К наиболее заметным и имеющим перспективы для дальнейшего развития направлениям международного влияния Монголии можно отнести следующие.

С начала 1990-х гг., когда страна приступила к радикальной смене модели общественного развития, демократический характер политической системы стал рассматриваться в качестве важнейшего атрибута успешности монгольского постсоциалистического транзита. Мотивы монгольского руководства для позиционирования страны в качестве успешной демократии различны. Во-первых, это стремление обеспечить финансово-экономическую поддержку со стороны коллективного Запада. Экономика Монголии остро нуждается во внешнем финансировании, которое может быть осуществлено через прямые иностранные инвестиции, кредиты, приток валюты от туристической сферы. Соответственно, общий благоприятный имидж страны на международной арене может позитивно сказаться на внешних финансовых вливаниях. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные неправительственные организации (далее — НПО). Положительные оценки, даваемые монгольской демократии этими НПО, предоставляют возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны. Так, на протяжении последних двух десятилетий в рейтингах политической свободы «Freedom House» Монголия неизменно обозначается в качестве «свободной страны» [[Freedom in the World 2021](#)]. Эти оценки особенно заметны на фоне соседей Монголии (России, Китая, Казахстана), маркируемых «Freedom House» в качестве «несвободных стран».

Во-вторых, монгольские политические элиты разыгрывают карту «общности демократических ценностей» с целью усилить политику «третьего соседа», выступая не только в качестве объекта, но и субъекта

«мягкой силы». Практически все встречи на высшем уровне официальных лиц Монголии и их западных коллег сопровождаются ссылками на общие ценности как важный фактор тесного сотрудничества. В Декларации о стратегическом партнерстве, принятой по итогам официального визита президента Монголии Х. Баттулги в США в июле 2019 г., было отмечено, что «отношения Монголии и США сближаются и укрепляются, опираясь на общие стратегические интересы, ценности демократии, компетентную власть, принципы суверенитета и уважение прав человека» [[Declaration 2019](#)].

Акцентируя внимание международного сообщества на демократичности своего режима, Улан-Батор демонстрирует свое принципиальное отличие от ближайших соседей. Так, Ц. Элбэгдорж, будучи президентом Монголии, в одном из своих интервью высказался следующим образом: «Философия развития наших соседей отличается от нашей. Наши соседи считают, что если центр сильный, то страна развивается, а народ живет спокойно. А Монголия считает, что если гражданин сильный, то сильна и страна» [[Элбэгдорж 2014](#)].

В последние годы образ успешной демократии приобрел значимость с точки зрения продвижения влияния Монголии в ряде стран. В 2013 г. страна, будучи председателем «Содружества демократических стран», приняла седьмой Форум министров стран-участниц этой организации [[Монголия является 2013](#)].

В рамках стратегии продвижения демократических ценностей в Монголии был создан «Фонд международного сотрудничества», среди целей которого «оказание поддержки странам, вступившим на путь демократии и реформ» [[Олон улсын хамтын 2013](#)].

Наличие парламентской формы правления подается Улан-Батором в качестве привлекательной модели политического развития для стран региона. По словам главы администрации президента Ц. Элбэгдоржа, произнесенным им по поводу конституционных изменений в Кыргызстане в 2010 г., «соседями Киргизии являются крупные державы, поэтому киргизы сочли нужным перейти на парламентскую власть. Впервые они выдвинули предложение, что нужно последовать примеру Монголии <...> Таким

образом, в истории Средней Азии Киргизия стала первой страной с парламентской властью <...> Это действительно крупное демократическое событие в Средней Азии» [Киргизия решила 2011]. Киргизские официальные лица со своей стороны неоднократно выражали свою готовность перенять опыт Монголии. Так, президент Кыргызстана А. Атамбаев на встрече с монгольским коллегой отметил, что «Монголия на протяжении 22 лет успешно развивает парламентскую власть. А демократии в Киргизии только два года, поэтому у нас есть чему учиться у монголов» [О встрече президентов 2012]. Привлекательность монгольского опыта для Кыргызстана объясняется как общим опытом социалистического развития, так и наличием историко-цивилизационных связей, выраженных в кочевом образе жизни. Кроме того, влияние Монголии, в отличие от «мягкой силы» таких стран, как Россия, Китай, Турция, США, не воспринимается в кыргызском обществе в качестве угрозы безопасности и суверенитету.

Другим примером страны, в отношении которой Улан-Батор проводит весьма активную политику влияния, является Мьянма. В ходе официального визита в Мьянму в ноябре 2013 г. президент Ц. Элбэгдорж отметил «беспрецедентные усилия Мьянмы по демократизации и выразил поддержку своей страны в области демократизации, верховенства права и прав человека» [Miliate 2013].

Известный мьянманский политик и государственный деятель Аун Сан Су Чжи во время встречи с монгольским премьер-министром Ж. Эрдэнэбатом выразила желание изучить опыт Монголии, которая перешла к демократии мирным путем, установила политическую демократию и провела экономическую реформу. При этом она указала на буддийскую общность Монголии и Мьянмы в качестве одной из основ для развития демократических ценностей двух стран [Халиун 2017].

Вторым важным элементом «мягкой силы», активно используемым Монголией в своих интересах с начала 1990-х гг., является ее образ пацифистски настроенной страны и активная миротворческая деятельность. На протяжении большей части XX в. Монголия выступала ареной для реальных (бои на реке Халхин-гол) или потенциаль-

ных военных столкновений (напряженные отношения с КНР в 1960–1980-х гг.). На территории МНР долгие годы размещалась крупная советская военная группировка. По мере ослабления и дальнейшего распада советско-монгольского военно-политического союза Улан-Батор кардинальным образом пересмотрел свою внешнеполитическую и оборонную доктрину. В течение 1987 г. МНР провела на своей территории два международных мероприятия, направленных на обсуждение инициативы Москвы по разоружению: Азиатско-Тихоокеанский международный молодежный и студенческий форум и Консультативную встречу представителей коммунистических и рабочих партий Азиатско-Тихоокеанского региона. Стремясь избавиться от образа «самого верного союзника Москвы в Азии», в 1991 г. Монголия вступила в ряды Движения неприсоединения. Этот шаг должен был продемонстрировать внешнему миру новый формат международной политики Улан-Батора, в основе которой лежит стремление к не конфронтационному пути развития отношений.

В 1992 г. Монголия официально провозгласила себя страной, свободной от размещения на ее территории ядерного оружия. С 1998 г. Генассамблея утверждает соответствующую резолюцию раз в два года [Mongolia's international 2000]. Значимость этому статусу придает то обстоятельство, что Монголия расположена между двумя ядерными державами. Практически параллельно с безъядерным статусом в конституции страны, принятой в 1992 г., в статье 4 был прописан запрет на размещение на территории Монголии каких-либо иностранных вооруженных сил и их перемещение через монгольскую территорию [Монгол Улсын үндсэн хууль 1992]. Ссылки на эту норму играют особую роль каждый раз, когда в монгольской или иностранной прессе поднимаются вопросы о возможном размещении на территории страны военных баз той или иной державы. Сохраняя статус страны-наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (несмотря на неоднократные предложения стать постоянным членом), Монголия также демонстрирует свое стремление быть вне прямого соперничества великих держав [Rodionov 2020: 91–100]. В целом все эти решения де-

лают Монголию де-факто нейтральной, создавая ей имидж пацифистски настроенной страны.

Закреплению образа миролюбивой страны призвано служить активное участие монгольских военнослужащих в международных миротворческих акциях в различных странах мира. Монголия принимает самое активное участие в международных операциях под эгидой ООН. Вооруженные силы Монголии с 2002 г. были задействованы в миротворческих акциях в Ираке, Афганистане, Грузии, Косово, Эритрее, Чаде, Западной Сахаре, Конго, Судане и Йемене. По словам директора Центра военной истории НИИ обороны Т. Сухбаатара, «Монголия занимает первое место среди стран Азии по количеству миротворцев на душу населения, а также женщин-миротворцев. В целом, Монголия входит в десятку стран мира по количеству миротворцев на душу населения» [Биндэръяа 2021].

Наконец, еще одним из важных и, возможно, ключевых ресурсов «мягкой силы» Монголии следует признать ее потенциал как государства-посредника при разрешении международных проблем. В Концепции национальной безопасности Монголии, принятой в 2010 г., указана задача «активного участия в процессе инициирования диалога и переговорного процесса по вопросам укрепления региональной безопасности и создания механизма коллективной безопасности» [Монгол Улсын үндэсний аюулгүй 2014].

В практическом плане Монголия уже не одно десятилетие прилагает усилия для повышения своей роли в качестве посредника в переговорном процессе между государствами Северо-Восточной Азии. Начиная с 2014 г. по инициативе монгольского президента в столице Монголии ежегодно проводится «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Данное мероприятие, имеющее уровень «полуторгового трека», призвано стать международной площадкой для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества между государствами региона, что, по замыслу организаторов, должно способствовать закреплению за Улан-Батором статуса «азиатского Хельсинки или Женевы». По словам министра иностранных дел Монголии Д. Цогтбаатара, страна имеет возможность стать «мостом к

миру» в Северо-Восточной Азии [Wishnick 2019].

Важнейшим фактором для превращения в ключевое государство-посредника в Северо-Восточной Азии монгольское руководство считает особые отношения со всеми государствами региона. С тремя странами — Россией, Китаем и Японией — Монголия развивает стратегическое партнерство. Начиная с момента установления дипломатических отношений, динамично развивается сотрудничество с Республикой Корея. Но, пожалуй, главным козырем Улан-Батора являются дружественные отношения с самым непростым игроком — КНДР.

История монголо-северокорейских отношений берет свое начало с 1948 г., когда МНР стала второй после СССР страной, официально признавшей недавно образованную КНДР. Более того, монгольская сторона оказала поддержку Пхеньяну в Корейской войне 1950–1953 гг., а также в деле восстановления экономики страны в послевоенный период. В 1956 г. лидеры МНР и КНДР Ю. Цэдэнбал и Ким Ир Сен совершили взаимные визиты. Вплоть до начала 1990-х гг. отношения Улан-Батора и Пхеньяна основывались на принципах социалистической солидарности, что нашло свое отражение в Договоре о дружбе и взаимной помощи, подписанном в 1986 г. [Баярхуу].

Временная пауза в отношениях, возникшая в 1990-х гг., была обусловлена отказом Монголии от социалистической идеологии и курсом на активное сближение с Сеулом. Однако впоследствии стороны сумели найти новые грани для взаимовыгодного сотрудничества. В частности, в рамках двусторонних соглашений до 5 000 северокорейских рабочих могут трудиться в Монголии. Периодически монгольская сторона предоставляет КНДР гуманитарную помощь (как правило, в виде продукции животноводства). Монгольская сторона через специализированный государственный фонд осуществляет поездки северокорейских школьников в летние лагеря страны. У Монголии, в свою очередь, имеется интерес получить доступ к открытому морю через северокорейский порт Раджин [Монголия готова 2012].

Доверительный характер двусторонних отношений подтверждается периодически случающимися взаимными визитами офи-

циальных представителей стран. В 2013 г. состоялся официальный визит монгольского президента Ц. Элбэгдоржа в КНДР, в ходе которого была обсуждена возможная посредническая роль Монголии в отношениях КНДР и Республики Корея [Гольман 2014].

В декабре 2018 г. министр иностранных дел КНДР Ри Ён Хо, нанеся визит в Монголию по случаю празднования 70-летия дипломатических отношений, заявил, что «как и Монголия, КНДР выступает за денуклеаризацию Корейского полуострова... сейчас крайне важно укрепить доверие в регионе» [Батцэцэг 2018].

Можно отметить, что интерес Пхеньяна к Монголии как удобной переговорной площадке носит объективный характер. С одной стороны, отношения КНДР с Республикой Корея, Японией и США по-прежнему характеризуются как враждебные. С другой стороны, полного доверия к РФ и, особенно, к КНР, как к соседним великим державами, в Пхеньяне также нет. В этом свете Монголия — идеальный вариант для северокорейского руководства.

В целом отсутствие конфликтных ситуаций в отношениях Монголии со всеми без исключения государствами региона является важным обстоятельством, призванным продемонстрировать потенциал страны как медиатора в деле урегулирования международных конфликтов в Северо-Восточной Азии.

Перспективы Монголии как возможного посредника в разрешении проблем вокруг Корейского полуострова стали более зримыми после фактического провала переговоров в шестистороннем формате (Россия, КНР, США, Япония, КНДР, РК) [Косырев 2006].

Практическим воплощением посреднической роли Монголии стал ряд встреч в Улан-Баторе между представителями северокорейской и японской сторон для урегулирования острых вопросов двусторонних отношений. Так, 15–16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне, по итогам которых было достигнуто согласие по вопросу о возвращении на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных. Двумя годами

позже северокорейцы и японцы вновь избрали Монголию для проведения переговоров по проблеме похищенных японских граждан [Игнатов 2020: 10].

Другим примером активного вовлечения монгольской стороны в многосторонний переговорный процесс является выше упомянутый «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии», в работе которого, помимо прочих стран, принимает участие северокорейская делегация.

В преддверии исторической встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына в марте 2018 г. Улан-Батор рассматривался сторонами в качестве возможной переговорной площадки. Незадолго до самих переговоров глава администрации президента Х. Баттулги провел соответствующие консультации с официальными представителями КНДР и США. Аргументами «за» назывались: дружественный характер отношений как с КНДР, так и с США, отсутствие у Монголии военно-стратегических интересов в регионе, опыт ведения переговоров на монгольской территории по различным аспектам корейской проблематики [Dierkes, Jargalsaikhan 2018]. И хотя в итоге местом переговоров стал Сингапур, перспективы Монголии как посредника для встреч на столь высоком уровне по-прежнему реальны. Предпринимая усилия в данном направлении, Улан-Батор привлекает к себе дополнительное внимание международного сообщества и вовлекает в орбиту своей внешней политики новых партнеров.

Заключение

Как показывает международная практика, в последние десятилетия отдельные малые страны стали играть непропорционально большую, по сравнению с их размерами, роль в мировой политике, в том числе за счет успешного применения «мягкой силы». Наличие высокой конкуренции за влияние на международной арене и невозможность регулярного применения военно-экономических методов предоставляют шанс малым странам отстаивать собственные интересы, не полагаясь только на волю великих держав. Сам статус малой страны при определенных обстоятельствах может выступать элементом ее «мягкой силы».

Монголия, будучи ярким представителем неформального клуба «малых стран»,

не стоит в стороне от ключевых тенденций международных отношений, используя разнообразные методы ведения внешней политики. Желая расширить поле для внешнеполитического маневра, Улан-Батор стремится играть активную роль на международном уровне. В силу ограниченности внешнеполитических ресурсов и соответствующих амбиций монгольское руководство основной акцент в своей политике делает на региональном уровне, главным образом на Северо-Восточной и постсоветской Центральной Азии. Имидж молодой успешной демократии, пацифистской, де-факто нейтральной страны и

идеального посредника для ведения межгосударственных переговоров по самым острым региональным проблемам призван укрепить международный авторитет монгольского государства, сформировать позитивные представления о нем и, тем самым, диверсифицировать внешние связи Монголии. Все это позволяет сделать вывод о том, что для Монголии, как для малой страны, применение «мягкой силы» является не только вопросом увеличения своего международного влияния, но и делом обеспечения собственной безопасности и национального суверенитета в отношениях с сильными соседями.

Литература

- Баттулга 2019 — Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага (= Х. Баттулга: Архивы являются одной из основных организаций, реализующих политику «мягкой силы» Монголии) [электронный ресурс] // Montsame News Agency. Монголын мэдээ | Улс төр. 06.07.2019. URL: <https://montsame.mn/en/read/194966> (дата обращения: 16.01.2022).
- Батцэцэг 2018 — *Батцэцэг Г.* Монголию с ответным визитом посетил глава МИД КНДР [электронный ресурс] // Montsame News Agency. Политика. 2018-12-10. URL: <https://montsame.mn/ru/read/173860> (дата обращения: 16.01.2022).
- Баярхуу — *Баярхуу Д.* Монгол улс, БНАСАУ-ын харилцааны 70 жил (=70 лет отношениям Монголии и КНДР) [электронный ресурс] URL: <http://www.baabar.mn/article/mongol-uls-bnasau-iin-khariltsaanii-70-jil> (дата обращения: 16.01.2022).
- Биндэръяа 2021 — *Биндэръяа Ч. Т.* Сүхбаатар: Өнгөрсөн зуун жилийн түүхэнд Монголын зэвсэгт хүчин оролцсон нэг ч дайн тулаандаа ялагдаж үзээгүй (= За всю историю прошлого века монгольские вооруженные силы не проиграли ни одного сражения) [электронный ресурс] // Өдрийн Сонин. 18.08.2021. URL: <https://dnn.mn/t-cyxbaatar-ongorsen-zuun-jiliyn-tuuxend-mongolyn-zevseggt-huchin-oroltsoson-neg-ch-dain-tulaandaa-yalagdash-uzeegui/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Гадаад худалдаа 2020 — Гадаад худалдаа 2020 (= Внешняя торговля 2020) [электронный ресурс] // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. Гадаад худалдаа (= Статистическая база данных. Внешняя торговля). 2020. URL: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14# (дата обращения: 16.01.2022).
- Гольман 2014 — *Гольман М. И.* Монголия — посредник и партнер КНДР [электронный ресурс] // NEO (Новое Восточное обозрение). 08.08.2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Зимин 1993 — *Зимин Б. Н.* Малые высокоразвитые страны Западной Европы — теоретические итоги исследований // Известия РАН. Серия «География». 1993. № 2. С. 95–104.
- Игнатов 2020 — *Игнатов И. А.* Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 6–14.
- Киргизия решила 2011 — Киргизия решила последовать примеру Монголии // Монголия сегодня. 18.12.2011. С. 5.
- Косырев 2006 — *Косырев Д.* Переговоры по Корее: с такими провалами и успехов не надо [электронный ресурс] // «РИА Новости» 22.12.2006. URL: <https://ria.ru/20061222/57599531.html> (дата обращения: 16.01.2022).
- Малые страны 1987 — Малые страны Западной Европы: экономические проблемы: Реф. сб. АН СССР / отв. ред. Ю. А. Борко. М.: ИНИОН, 1987. 214 с.
- Монгол Улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн 2021 — Монгол улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн дагуу нэг цонхоор сурталчлах талаар ажил хэргийн уулзалт боллоо (= Деловая встреча по продвижению одного окна Монголии в соответствии с международной стратегией) [электронный ресурс] // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам (= Министер-

- ство иностранных дел). 06.03.2021. URL: <http://mfa.gov.mn/59069> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монгол Улсын үндсэн хууль 1992 — Монгол Улсын үндсэн хууль (= Конституция Монголии) [электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монгол Улсын үндэсний аюулгүй 2014 — Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (= Концепция национальной безопасности Монголии) [электронный ресурс] // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 26.12.2014. URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=14968> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монголия готова 2012 — Монголия готова выйти в Японское море через особую экономическую зону [электронный ресурс] // ЗабИнфо (Забайкальское информационное агентство. 30 августа 2012 г. URL: <http://zabinfo.ru/93313> (дата обращения: 16.01.2022).
- Монголия является 2013 — Монголия является сердцем демократии // Монголия сегодня. 26.04.2013. С. 3.
- Най 2006 — *Най Дж. С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
- О встрече президентов 2012 — О встрече президентов Монголии и Кыргызстана // Монголия сегодня. 04.04.2012. С. 7.
- Олон Улсын хамтын 2013 — Олон Улсын хамтын ажиллагааны сангийн тухай (= О фонде международного сотрудничества) [электронный ресурс] // Монгол улсын засгийн газрын тогтоол. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. 2013 оны 3 дугаар сарын 30-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/9128> (дата обращения: 16.01.2022).
- Программа 2020 — Программа «Популяризация Монголии за рубежом» [электронный ресурс] // Монголия сейчас. Новости. 27.08.2020. URL: <http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Сэржав 2019 — *Сэржав Б.* БНМАУ-ын энхтайвны төлөөлөгчдийн үйлжиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг (= Роль делегаций за мир Монгольской Народной Республики в начале двусторонних отношений) // Дайны дараах Монгол-Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг: өнгөрсөн, одоо, ирээдүй (= Роль политики народной дипломатии в послевоенных монголо-японских отношениях: прошлое, настоящее и будущее) / ред. Ц. Батбаяр. Улаанбаатар: Монголын Япон судлалын нийгэмлэг, 2019. Рр. 41–55.
- Халиун 2017 — *Халиун Н.* Премьер-министр Монголии нанес визит Аун Сан Су Чжи [электронный ресурс] // Montsame News Agency. Политика. 15 мая 2017 г. URL: <https://montsame.mn/ru/read/160430> (дата обращения: 16.01.2022).
- Элбэгдорж 2014 — Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Ц. Элбэгдорж UBS телевизийн Кофе юу, Цай юу нэвтрүүлэгт оролцлоо (= Президент Монголии Ц. Элбэгдорж принял участие в телевизионной передаче UBS «Будете кофе или чай») [электронный ресурс] // Youtube.com. 26.04.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J6k18TCCELU> (дата обращения: 16.01.2022).
- Эрдэнэтуяа 2020 — *Эрдэнэтуяа Д. Ж.* Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна (= Ж. Энхсайхан: Монголия упускает историческую возможность повысить свою репутацию) [электронный ресурс] // News.mn Agency. Нийгэм. Ярилцлага. 13.10.2020. URL: <https://news.mn/r/2359366/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Chong 2007 — *Chong A.* The Foreign Policy Potential of «Small States Soft Power» Information Strategies [электронный ресурс] // CiteSeerX — scientific literature digital library. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.408.4444&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 16.01.2022).
- Declaration 2019 — Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America [электронный ресурс] // Office of President of Mongolia. 2019/08/01. URL: <https://president.mn/en/2019/08/01/declaration-on-the-strategic-partnership-between-mongolia-and-the-united-states-of-america/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Dierkes, Jargalsaikhan 2018 — *Dierkes J., Jargalsaikhan M.* What Mongolia Gains By Playing Host to a Historic Trump-Kim Summit [электронный ресурс] // The Diplomat Magazine. March 17, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Ease of Doing Business Index 2020 — Ease of Doing Business Index 2020 [электронный ресурс] // World Bank Group. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment/doing-business-legacy> (дата обращения: 16.01.2022).

- Freedom in the World 2021 — Freedom in the World 2021. Mongolia [электронный ресурс] // Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/mongolia/freedom-world/2021> (дата обращения: 16.01.2022).
- Hey 2003 — *Hey J. A. K.* Introducing Small State Foreign Policy // *Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior* / ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2003. Pp. 2–13.
- Human Capital Index 2020 — Human Capital Index 2020 [электронный ресурс] // World Bank Group. OKR. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> (дата обращения: 16.01.2022).
- Keohane 1969 — *Keohane R.* Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. Pp. 291–310.
- Miliate 2013 — *Miliate B.* The Surprising Potential of Mongolian-Myanmar Relations [электронный ресурс] // *The Diplomat Magazine*. December 04, 2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/12/the-surprising-potential-of-mongolian-myanmar-relations/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Mongolia's international 2000 — Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status [электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. 20.11.2000. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022).
- Nye 1990 — *Nye S. J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
- Nye 2004 — *Nye S. J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
- Ranking 2020 — Ranking Web of Universities. 2020 [электронный ресурс] // Webometrics Ranking of World Universities. URL: <http://www.webometrics.info/en/Asia/Mongolia%20> (дата обращения: 16.01.2022).
- Rodionov 2020 — *Rodionov V.* Foreign Policy of President Kh. Battulga (2017–2020) // *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 21. Pp. 91–100.
- Rothstein 1968 — *Rothstein R.* Alliances and Small Power. New York, London: Columbia University Press, 1968. 331 p.
- Rutherford 2019 — *Rutherford K.* The Hu Brings Mongolian Metal to No. 1 on Hard Rock Digital Song Sales Chart [электронный ресурс] // Billboard pro. Chart beat. 04/18/2019. URL: <https://www.billboard.com/pro/the-hu-mongolian-metal-number-1-hard-rock-digital-song-sales/> (дата обращения: 16.01.2022).
- Soft Power Survey 2018 — Soft Power Survey 2018/19 [электронный ресурс] // *Monocle magazine*. Affairs. 21 December 2018. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/> (дата обращения: 16.01.2022).
- The Global Competitiveness Report 2019 — The Global Competitiveness Report 2019 [электронный ресурс] // *World Economic Forum*. Schwab K. (ed.). WEFForum. Cologny; Geneva: WEF, 2019. 666 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 16.01.2022).
- The Good Country Index 2021 — The Good Country Index 2021 [электронный ресурс] // URL: <https://index.goodcountry.org/> (дата обращения: 16.01.2022).
- The Military Balance 2021 — The Military Balance 2021 [электронный ресурс] // *Fact Military*. Справочники/энциклопедии. 2021. URL: http://factmil.com/load/spravochniki/the_military_balance/the_military_balance_2021/10-1-0-7108 (дата обращения: 16.01.2022).
- The World Bank in Mongolia 2021 — The World Bank in Mongolia [электронный ресурс] // The World Bank. Overview. November 24, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1> (дата обращения: 16.01.2022).
- The World Bank in Small States — The World Bank in small States [электронный ресурс] // The World Bank. Where we work. Overview. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview> (дата обращения: 16.01.2022).
- Thurer 1998 — *Thurer D.* The Perception of Small States: Myth and Reality / Ed. by L. Goetschel // *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies*. Boston: Kluwer, 1998. Pp. 33–42.
- Vandenbosch 1964 — *Vandenbosch A.* The Small States in International Politics and Organization // *The Journal of Politics*. 1964. May. Vol. 26. No. 2. Pp. 293–312.
- Vital 1967 — *Vital D.* The Inequality of States: a Study of the Small Power in International Relations. Oxford: Clarendon Press, 1967. 198 p.
- Wishnick 2019 — *Wishnick E.* Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? [электронный

ресурсы] // The Diplomat Magazine. June 19, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/>

mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 16.01.2022).

References

- Battsetseg G. Mongolia welcomes a return visit of DPRK foreign affairs minister. On: Montsame News Agency. Politics. Posted on December 10, 2018. Available at: <https://montsame.mn/ru/read/173860> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Battulga Kh.: ‘Archives are somewhat key tools to implement Mongolia’s soft power policy’. On: Montsame News Agency. News of Mongolia. Posted on July 6, 2019. Available at: <https://montsame.mn/en/read/194966> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Bayarkhuu D. Mongolia and DPRK: Celebrating the 70th anniversary of relations. Available at: <http://www.baabar.mn/article/mongol-uls-bna-sau-iin-khariltsaanii-70-jil> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Binderyaa Ch. T. Sükhbaatar: ‘Mongolia’s armed forces lost not a single battle in the whole of the last century’. On: Ödriyn Sonin (Daily News). Posted on August 18, 2021. Available at: <https://dnn.mn/t-sykhbaatar-ongorsen-zuun-zhiliyn-tyykhend-mongolyn-zevsegt-khychin-oroltsson-neg-ch-dayn-tulaandaa-yalagdazhyzeegy/> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Borko Yu. A. (ed.) Small States of Western Europe: Economic Problems. Collected papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 1987. 214 p. (In Russ.)
- Business meeting to promote another window of Mongolia in accordance with the foreign policy strategy. On: Ministry of Foreign Affairs of Mongolia (website). Posted on March 6, 2021. Available at: <http://mfa.gov.mn/59069> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Chong A. The Foreign Policy Potential of ‘Small States Soft Power’ Information Strategies. On: CiteSeerX — scientific literature digital library. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.408.4444&rep=rep1&type=pdf> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Concept of the National Security of Mongolia. On: Ministry of Foreign Affairs of Mongolia (website). Posted on December 26, 2014. Available at: <http://www.mfa.gov.mn/?p=14968> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Constitution of Mongolia. On: Unified Legal Information System (Mongolia). Ratified on January 13, 1992. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America. On: Office of President of Mongolia (website). Posted on August 1, 2019. Available at: <https://president.mn/en/2019/08/01/declaration-on-the-strategic-partnership-between-mongolia-and-the-united-states-of-america/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Dierkes J., Jargalsaikhan M. What Mongolia gains by playing host to a historic Trump-Kim summit. On: The Diplomat Magazine. Posted on March 17, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Ease of Doing Business Index 2020. On: World Bank Group (website). 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment/doing-business-legacy> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Erdenetuyaa D. Zh. Enkhsaikhan: ‘Mongolia is losing a historical opportunity to strengthen its reputation’. On: News.mn Agency. Society. Interview. Posted on October 13, 2020. Available at: <https://news.mn/r/2359366/> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Foreign Trade 2020. On: Statistical Database. Foreign Trade. 2020. Available at: https://www.1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14# (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Freedom in the World 2021. Mongolia. On: Freedom House. 2021. Available at: <https://freedomhouse.org/country/mongolia/freedom-world/2021> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Golman M. I. Mongoliya — intermediary and partner of North Korea. On: New Eastern Outlook (online magazine). Posted on August 8, 2014. Available at: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Hey J. A. K. Introducing small state foreign policy. In: Hey J. A. K. (ed.) Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2003. Pp. 2-13. (In Eng.)

- Human Capital Index 2020. On: World Bank Group (website). OKR. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Ignatov I. A. Mongolia's mediation and peacekeeping role in the framework of the concept of a 'third neighbor' on the Korean Peninsula. *Far Eastern Studies*. 2020. No. 6. Pp. 6–14. (In Russ.)
- Keohane R. Lilliputians' dilemmas: Small states in international politics. *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. Pp. 291–310. (In Eng.)
- Khaliun N. Mongolia's prime-minister pays visit to Aung San Suu Kyi. On: Montsame News Agency. Politics. Posted on May, 15 2017. Available at: <https://montsame.mn/ru/read/160430> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Kosyrev D. Negotiations on Korea: Who needs achievements with failures like this? On: RIA Novosti (news agency). Posted on December 22, 2006. Available at: <https://ria.ru/20061222/57599531.html> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Kyrgyzstan choses to follow in Mongolia's footsteps. *Mongoliya segodnya*. December 18, 2011. P. 5. (In Russ.)
- Miliate B. The surprising potential of Mongolian-Myanmar relations. On: The Diplomat Magazine. Posted on December 4, 2013. Available at: <https://thediplomat.com/2013/12/the-surprising-potential-of-mongolian-myanmar-relations/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Mongolia and Kyrgyzstan: A meeting of two presidents reviewed. *Mongoliya segodnya*. April 4, 2012. P. 7. (In Russ.)
- Mongolia is ready to gain access to the Sea of Japan via a special economic zone. On: ZabInfo.ru (online media outlet of Transbaikalia). Posted on August 30, 2012. Available at: <http://zabinfo.ru/93313> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Mongolia is the heart of democracy. *Mongoliya segodnya*. April 26, 2013. P. 3. (In Russ.)
- Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status. On: United Nations Digital Library. Posted on November 20, 2000. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk; Moscow: Trendy, 2006. 224 p. (In Russ.)
- Nye S. J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p. (In Eng.)
- Nye S. J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p. (In Eng.)
- On International Cooperation Foundation. Decree of the Government of Mongolia of 30 March 2013. On: Unified Legal Information System (Mongolia). Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/9128> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- President of Mongolia Ts. Elbegdorj takes part in the 'Tea of Coffee' TV program. On: Youtube.com. Posted on April 26, 2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=J6k18TC-CELU> (accessed: January 16, 2022). (In Mong.)
- Promoting Mongolia Abroad Program. On: MongolNow.com (online media outlet). Newsfeed. Posted on August 27, 2020. Available at: <http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/> (accessed: January 16, 2022). (In Russ.)
- Ranking Web of Universities. 2020. On: Webometrics Ranking of World Universities. Available at: <http://www.webometrics.info/en/Asia/Mongolia%20> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Rodionov V. Foreign policy of President Kh. Batulga (2017–2020). *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 21. Pp. 91–100. (In Eng.)
- Rothstein R. Alliances and Small Power. New York, London: Columbia University Press, 1968. 331 p. (In Eng.)
- Rutherford K. The Hu brings Mongolian metal to no. 1 on Hard Rock Digital Song Sales Chart. On: Billboard pro. Chart beat. Posted on April 18, 2019. Available at: <https://www.billboard.com/pro/the-hu-mongolian-metal-number-1-hard-rock-digital-song-sales/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Serjav B. Peace delegations of the Mongolian People's Republic and their role at earliest stages of bilateral relations. In: Batbayar Ts. (ed.) The Role of People's Diplomacy in Post-War Mongolian-Japanese Relations: Past, Present, Future. Ulaanbaatar: Mongolian Society for Japanese Studies, 2019. Pp. 41–55. (In Mong.)
- Soft Power Survey 2018/19. On: Monocle magazine. Affairs. Posted on 21 December 2018. Available at: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The Global Competitiveness Report 2019. In: Schwab K. (ed.). WEFForum. Cologny; Geneva:

- WEF, 2019. 666 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The Good Country Index 2021. Available at: <https://index.goodcountry.org/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The Military Balance 2021. On: Fact Military. Reference Books and Encyclopedias. 2021. Available at: http://factmil.com/load/spravochniki/the_military_balance/the_military_balance_2021/10-1-0-7108 (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The World Bank in Mongolia. On: The World Bank (website). Overview. Posted on November 24, 2021. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- The World Bank in Small States. On: The World Bank (website). Where We Work. Overview. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Thurer D. The perception of small states: Myth and reality. In: Goetschel L. (ed.) *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies*. Boston: Kluwer, 1998. Pp. 33–42. (In Eng.)
- Vandenbosch A. The small states in international politics and organization. *The Journal of Politics*. 1964, May. Vol. 26. No. 2. Pp. 293–312. (In Eng.)
- Vital D. *The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations*. Oxford: Clarendon Press, 1967. 198 p. (In Eng.)
- Wishnick E. Mongolia: Bridge or buffer in North-east Asia? On: The Diplomat Magazine. Posted on June 19, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/> (accessed: January 16, 2022). (In Eng.)
- Zimin B. N. Small though developed countries of Western Europe: Theoretical outcomes of research. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 1993. No. 2. Pp. 95–104. (In Russ.)

